

Глава 6

Убедить Чу Вана принять лекарство стало заметно легче. Главная причина крылась в том, что Чэн Янь перешел к личной демонстрации — теперь они опустошали чаши вместе.

Каждый день, когда подавали два сосуда с темным отваром, между ними воцарялось полное равновесие: ни один не мог пожаловаться, что его доля горше. Более того, Чэн Янь затеял игру — кто быстрее выпьет свою порцию. Победителю полагался лишний кусочек тающей во рту сладости. Чу Ван, преисполненный азарта, выигрывал несколько дней подряд и пребывал в превосходном расположении духа. Он даже подтрунивал над Чэн Янем, которому требовалось немало времени, чтобы собраться с духом и, зажав нос, проглотить горькую жижу.

Чэн Янь лишь безмолвно вздыхал.

«Попробовали бы вы сами... — думал он. — Имейте сострадание к системе, которая столько лет не принимала такой горькой микстуры!»

Пока Чу Ван усердно тренировался в письме, Чэн Янь неподалеку занимался радиогимнастикой и тайцзицюань. Он старательно выполнял упражнения, надеясь укрепить это немощное тело и не дать ему угаснуть раньше срока.

Слуги в поместье, не в силах понять смысл его странных поз, строили самые невероятные догадки. Одни шептались, что великий лекарь проводит таинственный обряд исцеления, другие видели в этом секретные техники забытых боевых искусств. Нашлись и те, кто связывал это с мистикой — слухи о том, что цзюньван лишился рассудка из-за козней злых духов, вспыхнули с новой силой.

Чу Ван же мыслил куда проще.

— Чэн Янь, ты такой добрый, — заговорил он однажды. — И горькое снадобье со мной пьешь, и рядом сидишь, пока я вывожу иероглифы. Ты так хорошо ко мне относишься... Скажи, а когда мы поженимся?

На последнем прыжке утренней разминки Чэн Янь едва не подвернул лодыжку.

— Еда — дело житейское, но словами-то не бросайся! — выпалил он, едва обретя равновесие. — Жениться?! Кто это вообще собрался на тебе жениться?

Неужели до ушей этого малого дошла сто восьмая версия слухов о «властном цзюньване и его прекрасном целителе»?

Чу Ван подпер подбородок ладонями и, глядя на собеседника снизу вверх, обиженно надулся:

— Ты тоже не хочешь на мне жениться?

Он мгновенно уловил ключевое слово:

— Тоже?

Чу Ван уныло кивнул:

— Чигуань раньше тоже не хотел. А ведь старший брат-император говорил мне: если кто-то нравится, с тем и можно сыграть свадьбу. Почему же никто не хочет?

Чэн Янь лишь диву давался. Похоже, Чу Ван и впрямь всерьез намеревался взять Дай Чигуаня в супруги — неудивительно, что тот так отчаянно стремился от него отделаться.

Он опустил на стул и принялся растирать ушибленную ногу.

— Маленький цзюньван, а ты хоть понимаешь, что такое — «нравиться»?

Чу Ван принялся усердно дуть на исписанный лист бумаги, стараясь, чтобы чернила высохли быстрее. Его щеки смешно раздувались.

— Это когда хочется играть вместе! — выпалил он, не задумываясь.

Лекарь усмехнулся. Испуг прошел, оставив лишь легкую тень иронии.

— Но я ведь с тобой совсем не играю. Я заставляю тебя пить горькие травы, мучаю уроками письма и запрещаю объедаться пирожными. Разве я тебе всё еще нравлюсь?

Этот вопрос поставил маленького дурачка в тупик. Он озадаченно почесал затылок, склонив голову набок.

— Твоя правда... Ну, тогда давай сначала поиграем, а уж потом поженимся!

Чэн Янь не стал спорить, лишь мягко улыбнулся.

— С завтрашнего дня мы приступаем ко второму этапу лечения. Будет непросто, так что наберись терпения.

— Не беспокойся! — уверенно отозвался тот. — Хуже этого ужасного лекарства точно ничего быть не может!

На следующий день жизнь доказала ему обратное.

Разумеется, в мире нашлись вещи и пострашнее горького питья. Стоило Чу Вану завидеть бадью, наполненную черной, дымящейся и пугающе горячей жижой, как он вмиг переменялся в лице.

Чэн Янь уже достаточно изучил повадки своего подопечного, чтобы предугадать его действия. И действительно — мгновение спустя юноша, не проронив ни слова, круто развернулся и бросился к выходу.

Но лекарь был наготове. Маленький цзюньван, не успев затормозить, налетел прямо на него. Чэн Янь ловко перехватил его поперек талии, крепко удерживая в объятиях. Ежедневные упражнения не прошли даром — этот «маленький снаряд» не смог сбить его с ног.

— И куда это мы так спешим, а, цзюньван? — изогнул бровь Чэн Янь.

Чу Ван, чьи ноги теперь болтались в воздухе, отчаянно забился и замахал руками.

— Ты хочешь сварить из меня лечебную похлебку?! Не надо, я невкусный! — вопил он.

Чэн Янь не выдержал и негромко рассмеялся. Чу Ван замер и недоверчиво взглянул на него.

— Или ты хочешь, чтобы я выпил всю эту бочку?! Я не буду лечиться!

Чэн Янь легонько щелкнул его по лбу.

— Что за вздор? Это всего лишь ванна. Мы просто заменим обычную воду на целебную.

Чу Ван, привыкший верить ему на слово, переспросил:

— Только ванна?

— Только ванна, — подтвердил Чэн Янь. — Разве что запах будет... на любителя.

Чу Ван нехотя выпрямился, поправляя одежду.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать? Пока вода остынет?

В этом была своя логика. Чу Ван нерешительно подошел к бадье. Запах трав был резким и тяжелым, но, поразмыслив, он решил, что лежать в отваре всё же приятнее, чем вливать его в себя.

Комната быстро наполнялась густым паром. Чэн Янь распорядился принести еще горячей воды и задернул ширму. Лечебная процедура должна была длиться не меньше получаса — в летнюю жару это напоминало пытку в парилке.

Он достал серебряные иглы, изготовленные по особому заказу. Иглы разной длины и толщины были ровными рядами закреплены на лоскуте ткани. Пересчитав их и убедившись, что всё на месте, мужчина зажег свечу и вошел за ширму.

На пороге он невольно замер.

Юноша стоял к нему спиной. Он уже успел скинуть халат и теперь, рассыпав по плечам иссиня-черные волосы, наклонился, чтобы снять обувь.

Чэн Янь поспешно отвел взгляд, чувствуя, как голос становится сухим и напряженным:

— Живее прыгай в воду, не хватало еще простудиться.

Чу Ван аккуратно развесил одежду, собрал волосы в тяжелый узел и с недоумением обернулся:

— На улице такая жара, как я могу простудиться?

Он поднял руки, пытаясь закрепить пряди повыше, чтобы не намочить их в отваре, и это движение лишь подчеркнуло наготу его тела.

Чэн Янь подавил странное смятение в груди. Он сосредоточенно принялся готовить инструменты для иглокалывания.

— Береженого Бог бережет, — бросил он, не оборачиваясь.

Искушаться близостью с этим малым было затеей скверной. Если у Чу Вана не хватало рассудка это осознать, то Чэн Янь-то свои способности к суждению не утратил. И всё же, несмотря на детское восприятие мира, перед ним был взрослый мужчина. Кожа его, изнеженная заботой, казалась фарфорово-белой, конечности — тонкими и изящными; в теле молодого человека еще сквозила некоторая незрелость, но она лишь добавляла ему очарования.

Всплеск воды возвестил о том, что пациент занял свое место. Чэн Яню на мгновение показалось, что в его собственную голову тоже набралось воды.

«Я — бесстрастная система, прожившая вечность, — твердил он себе. — Как меня может волновать такая чепуха? Причем он ведь даже не пытается меня соблазнить!»

Вечность... Если вдуматься, это означало лишь одно: Чэн Янь был одинок слишком долго.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы унять внутренний гул и вернуть себе самообладание.

Чу Ван откинулся на край бадьи, позволяя рукам лениво скользить по поверхности черной воды. Когда Чэн Янь подошел ближе, он увидел, что на губах юноши играет безмятежная улыбка.

Весь пыл лекаря как рукой сняло. Ну как можно злиться на этого дурачка?

Чу Ван, услышав шаги, радостно обернулся:

— Чэн Янь! Смотри! Если я погружаю руки в воду — их совсем не видно!

Чэн Янь лишь криво усмехнулся.

«Черт, да это же очевидно! — подумал он. — Эта жижа совсем не прозрачная, как он собрался там что-то увидеть?»

Впрочем, в этой черноте кожа цзюньвана казалась еще белее. От горячего пара она пошла нежным румянцем, а глаза заблестели ярче обычного.

Чэн Янь отвел взгляд, не решаясь на шутки.

— Сначала я разомну тебе голову, — сухо произнес он.

Его длинные пальцы погрузились в шелк волос Чу Вана. Он начал мягко, но уверенно надавливать на нужные точки, разогревая кожу.

Чу Ван сладко зевнул и откинул голову назад, еще глубже погружаясь в бадью. Теперь над темной гладью виднелись лишь его острые ключицы.

— Чэн Янь... — пробормотал он сонно. — Можно мне немного поспать?..

«Ишь, как устроился», — мысленно проворчал лекарь.

— Тебе сейчас будет не до сна, — предупредил он.

Пальцы его нащупали нужную точку, и Чу Ван внезапно резко втянул воздух.

— Больно? — спросил Чэн Янь и тут же повторил нажатие.

Чу Ван судорожно вцепился в его предплечье.

— Больно... Ой, как больно!

Чэн Янь смягчил движения, но рук не убрал:

— Вот здесь корень беды.

Он продолжал массировать область вокруг точки, чувствуя, как под пальцами перекачиваются напряженные жилки. Взглянув вниз, он увидел, что Чу Ван зажмурился, а на глазах его выступили слезы.

— Потерпи еще немного, — невольно смягчился Чэн Янь. — Скоро станет легче.

Чу Ван шмыгнул носом и, приоткрыв глаза, тихо выдохнул:

— Хорошо.

В этом коротком звуке Чэн Яню почудилась такая беззащитная обида, что сердце его предательски дрогнуло.

Но он не позволил себе проявить слабость. Его пальцы продолжали исследовать голову Чу Вана, пока не были найдены все точки для иглокалывания.

Работа с головой требовала предельной точности и колоссальных усилий. Чэн Янь знал: его база данных безупречна. Пока в системе нет сбоя, его рука не дрогнет.

И всё же, когда он взял первую серебряную иглу, его мышцы напряглись до предела.

Проведя быструю дезинфекцию, он раздвинул тонкие пряди волос. Игла в его пальцах замерла на мгновение, а затем уверенно вошла в плоть.

Те точки, что отзывались болью даже на простое нажатие, наверняка отзывались теперь нестерпимым жжением. Чэн Янь был готов к тому, что Чу Ван начнет вырываться, но услышал

лишь частое, прерывистое дыхание. Пальцы, лежащие на плече юноши, чувствовали, как того бьет мелкая дрожь. Но, несмотря на это, цзюньван не шелохнулся.

Скудоумные часто ведут себя как дети — они порывисты и не умеют сдерживать свои чувства. Но Чу Ван терпел боль с мужеством, которого Чэн Янь от него не ожидал.

Он не смел отвлекаться. Сосредоточенно, одну за другой, он ввел все иглы и лишь после этого позволил себе выдохнуть. Оказалось, что его собственное лицо было мокрым от пота.

В комнате было невыносимо душно. Чэн Янь взял заранее приготовленное полотенце и вытер лоб.

— Чэн Янь... Господин Журавль... — донесся до него тихий, гнусавый голос.

Чэн Янь тут же склонился над ним:

— Что случилось? Где-то болит?

Чу Ван медленно открыл глаза. Его веки были влажными и покрасневшими, а лицо — мертвенно-бледным, отчего губы казались алыми, как кровь.

Он прикусил губу и прошептал:

— Не уходи...

Чэн Янь бережно вытер пот с его лба и щек.

— Я никуда не уйду. Я здесь.

Чу Ван смотрел на него пристально и как-то отчаянно.

— Тогда... поцелуй меня, хорошо? — прошептал он.

Рука Чэн Яня дрогнула, и полотенце скользнуло по уху юноши.

Он невольно опустил взгляд на его обнаженные плечи, поднимающиеся над водой, и вновь встретился с глазами Чу Вана. Тот смотрел с такой надеждой, что Чэн Яню захотелось немедленно исчезнуть, лишь бы не видеть, как в этом взгляде рождаются слезы.

«Ох...» — выдохнул он про себя.

Казалось, в этой комнате только он один и страдает по-настоящему.

Прежде чем он успел придумать отказ, снаружи раздался стук в дверь и приглушенный голос слуги:

— Лекарь Чэн, горячая вода готова.

Чэн Янь поспешно выпрямился:

— Я сейчас! Нужно сменить воду!

<http://bllate.org/book/15870/1436587>